

Ю. И. СМИРНОВ
(Москва)

БРЯНСКАЯ ВЕРСИЯ БЫЛИНЫ О ПОХИЩЕНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются варианты былин о Дмитрие Брянском как часть исследования сюжетов о похищении женщины (сестры, матери). Автор выявляет связь анализируемых текстов с местной историей, а также модификацию сюжета при его пространственном и временном распространении за пределы предполагаемого места возникновения.

Ключевые слова: эпическая традиция, былинный сюжет, праформа.

В русском эпосе до времени собирания сохранилось несколько произведений, повествующих о похищении девушки (женщины) и о последующем освобождении ее братом. В западной части Русского Севера (кое-где в Заонежье и на Пудогге еще в 30-е гг. XX в. продолжала бытовать былина «Наезд литовцев») в ней главным героем выступает князь Роман. Близкие этой былине формы иногда находили на Печоре и на нижней Индигирке, на северо-востоке Азии. Значительно шире распространялось бытование былины «Казарин»: на побережьях Белого моря, в восточной части Русского Севера (Пинега, Мезень, Печора), однажды ее нашли даже на Алтае, а эволюционные производные формы встретились на средней Волге и на Чуне, левом притоке Ангары. Освободителем сестры также назван Алеша Попович в записи на Алтае, Дюк Степанович — в записи на Дону, Илья Муромец — в записи в Казани. Как видно, унификации формы не произошло. В разных местах бытовали разные произведения, если замечать разные имена персонажей и названия мест действия, ходы и детали повествования [Смирнов 2010, 156—159].

Легче всего допустить, что эти произведения изначально создавались в разных местах и разными творцами независимо друг от друга, и потому их уместно называть параллельными фор-

мами или сюжетами-дублями. Точно так же можно предполагать, что они — эволюционные формы, одна за другой возникавшие из общей праформы по мере ее расщепления. Принимая оба эти предположения, мы вынуждены признать, что там, где проживали или общались выходцы из разных мест, наверное, порождались гибридные формы. Однако довольствоваться только обозначенными предположениями недостаточно. Нужно, по возможности, определенно выяснить отношения и связи между всеми этими произведениями, а для этого, прежде всего, следует внимательнее рассмотреть каждое из них по отдельности.

Уходя на окраины расширявшегося государства, люди, очевидно, уже располагали разными формами и переносили их в новые места расселения. Там их потомки предпочитали знать и петь унаследованные формы, о чем свидетельствует картина их распространения. Известны только два места, где обнаружилось одновременное бытование двух разных форм: на Алтае освободителями сестры выступали Казарин и Алеша Попович, на Печоре — тот же Казарин и некий Дмитрий Брянский. Это означает, что в тех местах поселялись выходцы из разных мест. Одни из них знали былинку о Казарине, другие — о Дмитрие Брянском. Их потомки в пору записи продолжали упорно знать только одну форму, и если они и знали о бытовании другой формы, то, наверное, противопоставляли ей свою, исконно родную.

В статье рассматриваются тексты о Дмитрие Брянском. Известно всего пять записей, где говорится об этом герое. Четыре из них сделаны в старообрядческой среде на средней Печоре: три в Усть-Цильме [Ончуков 1904, № 37, 51, 54] и одна в соседней деревне [Былины Севера 1938, № 88]. Лишь однажды былина встретилась на нижней Печоре. Там в 1938 г. ее нашел собиратель Н. П. Леонтьев [РГАЛИ]. Уместно заключить, что изначально текст был принесен старообрядцами в Усть-Цильму, где он укоренился и благодаря общению жителей попал и на нижнюю Печору.

За одним исключением, никто из певцов не назвал Дмитрия князем или кем-то еще, а собиратели не спрашивали певцов о социальном положении героя, отчего о нем допустимы любые догадки. Исключение обнаруживается в тексте о разбойничьем походе некоего атамана Данилы Борисовича. Туда оказался вставленным отрывок о Дмитрии, названном царем Бранским, но правящим в городе Ростове на тихом Дону [Ончуков 1904, № 51]. Очевидно желание певца блеснуть своими глубокими познаниями по части географии и истории. Его домыслами, разумеется, следует пренебречь.

Только в одной записи [Ончуков 1904, № 54] сам город, куда поместили жить Дмитрия, назван Бранским. В этом названии легко угадывается поздняя форма названия города, первое упоминание о котором в письменных источниках отнесено к тому же 1147 г., что и упоминание о Москве. Город долго назывался Дебрянском, по всей вероятности, в связи с дебрями, его окружавшими. Он стал утрачивать начальный слог, по-видимому, не ранее второй половины XIV в., а окончательно утратил еще позже, так что название Брянск — позднее. Судя по такой форме названия, версия о Дмитрии складывалась тоже сравнительно поздно.

К самому Дмитрию в записях непременно прикрепляется эпитет «Бранской» (Браньской, Обраньский), лишь в записи 1938 г. [РГАЛИ] имеется верная с точки зрения литературного языка форма «Брянский», но тут мог вмешаться и собиратель, известный своей правкой текстов. Не выяснялось, как понимали печорские певцы этот эпитет. В летописях князьям обычно присваивали эпитет по названию того удела, каким они владели или правили, однако не существует уверенности в том, что печорские певцы следовали этой традиции именования князей. В звучании эпитета у печорских певцов слышится нечто другое. Возможно, они связывали эпитет со словами «оборона» и «брань» в значении «битва, война».

В одном из печорских вариантов у Дмитрия имеются безымянные племян-

ница 16 лет и племянник 9 лет [Ончуков 1904, № 37]. В двух других вариантах Дмитрию дана безымянная сестра [Ончуков 1904, № 54; Былины Севера 1938, № 88]: в отличие от заонежских и пудожских текстов у нее нет маленького ребенка, вместе с которым она попадает в плен. Еще в двух печорских записях [РГАЛИ; Ончуков 1904, № 51] Дмитрий не наделен каким-либо родственником.

Привязка к Брянску персонажа по имени Дмитрий побуждает поискать одноименных лиц в письменных источниках. И действительно, в Брянске правили, по меньшей мере, два князя с таким именем. Сведения о них очень скупы: неизвестно, как эти князья правили в Брянске, кто и когда напал на город в пору их правления. Оба князя подвизались в XIV в. Первый из них — Дмитрий Романович, сын Романа Глебовича Смоленского. Он подчинялся власти Орды, поэтому можно предполагать, что в борьбе Орды и Литвы за обладание русскими княжествами этому Дмитрию приходилось принимать посильное участие. В 1333 г. при поддержке татарских отрядов он ходил походом («прииде ратью») на Смоленск, дабы, очевидно, вернуть себе родовой удел, но успеха не добился [Рогожский летописец 2000, 47]. В 1341 г. он выдал дочь замуж за рязанского князя Ивана Ивановича Коротопла [Там же, 54]. Сведений о нападениях на Брянск литовских князей в пору его правления найти не удалось, что не означает, будто они где-то не существуют. И даже если эти сведения отсутствуют, нельзя думать, что на Брянск не было хотя бы одного литовского нападения.

Другим правителем Брянска уже во второй половине XIV в. был литовский князь Дмитрий Ольгердович. Он недолго правил в Брянске, очевидно, ушедшем из-под власти Орды. В пору его правления Брянск мог подвергаться нападениям не только со стороны ордынцев, но и со стороны каких-то литовских соперников Дмитрия. Летописцев, по-видимому, не интересовал брянский период жизни этого князя. Зато они дружно помещают сообщение

о том, что в 1379 г. Дмитрий Ольгердович с женой, детьми и боярами — не без военного нажима с разных сторон — присягнул тезке Дмитрию Ивановичу, великому князю Московскому, и получил в удел «Переяславль со всеми пошлинами» [Там же, 138]. На следующий год он принял участие в Куликовской битве. Спустя несколько лет он погиб в сражении с ордынцами. Об этом герое, несомненно, складывались и передавались какие-то фольклорные произведения. Со временем у потомков людей, переселившихся с ним в Переяславль, стерлась память о его литовском происхождении, или они не хотели признавать это. Его имя напоминало о его тезке — предшественнике, ранее правившем в Брянске, и память об этих князьях соединила их в один фольклорный персонаж, успешно сражавшийся с Литвой и с Ордой, на протяжении нескольких веков в крепких тисках державших русские княжества.

В печорской былине противниками Дмитрия выступают два племянника некоего короля. В первых записях король назван Лимбалом или Имбалом [Ончуков 1904, № 37, 54]. В звучании этого имени чувствуется нечто иноземное, но еще никто не доказал, что оно позаимствовано из литовского языка. Пока появление короля в печорских текстах можно воспринимать как перенесение из какого-то другого источника. Сам титул короля, ассоциирующийся с Литвой, стал известен русским после того, как в Брянске правил Дмитрий Ольгердович. В 1386 г. брат Дмитрия Ягайло был избран королем Польши, после чего и, естественно, спустя много времени у русских людей, привязавших былину к Дмитрию и к Брянску, могло сложиться убеждение, будто Литвой правил именно король: русские продолжали называть поляков «литовскими людьми» и в Смутное время, в начале XVII в. Включение в текст персонажа с титулом короля указывает на его поздний характер, на то, что это поздняя вставка.

Ни в одной из записей страна короля не названа, зато в ней заметны вполне отечественные эпические реа-

лии. На пиру у короля Лимбала сидят русские могучие богатыри и крестьяне православные [Ончуков 1904, № 37]. В поздней и единственной записи на нижней Печоре короля нет и в помине, там события начинаются в Киеве на традиционном пиру у князя Владимира [РГАЛИ].

В трех текстах королевскими племянниками названы два брата Долгополых [Ончуков 1904, № 54; Былины Севера 1938, № 88; РГАЛИ], при этом однажды, кроме прозвища, они получили и имена: «Лука, Матвей, дети Петровичи» [Былины Севера 1938, № 88]. В печорских былинах эти персонажи превратились в постоянные второстепенные, переходящие из одного произведения в другое. В качестве богатырей, стоящих на заставе на пути к Киеву, братья Долгополые упоминаются в былине «Илья Муромец и Сокольник» (см., например, Ончуков 1904, № 6; Былины Севера 1938, № 87). Два брата Долгополые, «Лука, Матвей, дети Петровские», в былине «Камское побоище» похвалились сразиться и с небесной силой [Ончуков 1904, № 1]. Ими определенно подменены братья Бродовичи, отчего печорский вариант соответствующей былины получил название «Алеша Попович и сестра братьев Долгополых» [Там же, № 3].

Лишь в одном случае и именно в былине о Дмитрии Бранском Лука и Матвей вдруг и на короткий миг повествования превращены в двух татарингов, которые лежат на коленях у похищенной сестры Дмитрия [Былины Севера 1938, № 88]. Такое превращение нужно отнести к домыслу певца. Возможно, он слышал былину «Казарин» и перенес оттуда эту деталь. Во всех других печорских былинах, включая варианты о Дмитрии Бранском, братья Долгополые оцениваются как этнически «свои». Очевидно, печорцы по каким-то причинам сочли возможным заменить братьями Долгополыми предшественники и, вероятно, иноэтнические персонажи.

Об иноэтнической принадлежности предшественников братьев Долгополых свидетельствует только одна мет-

ка — цвет шатра, который поставили похитители в чистом поле, остановившись на отдых после набега. Они поставили черный шатер [Ончуков 1904, № 37, 54; Былины Севера 1938, № 88], какой в былинах ставят традиционные этнические противники. Значение цвета предвоенный сказитель нижней Печоры уже не знал. У него братья Долгополые отдыхают в белом или даже белобархатном шатре [РГАЛИ].

Во всех печорских текстах, где выступают королевские племянники, они действуют без привлечения дружины или войска какой бы то ни было величины. В этом печорские тексты отличаются от записи сходных произведений Индигирки и западной части Русского Севера.

Поскольку Брянск как эпическая реалья известен только по печорским записям, можно думать, что упоминание о нем включили в текст предшественники печорцев, жившие где-то далеко к югу, или даже это сделали сами печорцы. Для доказательства изначального включения Брянска требуется подтверждение записями сходных форм, бытовавших достаточно далеко от Печоры. И такое подтверждение находится в индигирских записях. Еще в конце 60-х гг. XIX в., когда никто и не знал о бытовании былин на Печоре, один из первых наших фольклористов и политический ссыльнопоселенец И. А. Худяков от уроженца Русского Устья записал сходную былинку, в которой упоминается Бренчет-город [Худяков 1890, 307—310]. Спустя 80 лет открылся еще один индигирский вариант с упоминанием Бернец-города [РЭПС 1991, № 37]. Искажения названия наглядны. Оно ни о чем не говорило индигирцам, оттого они не дорожили его подлинным звучанием и корезили по своему хотению. Но и в их искаженном воспроизведении опознается настоящее название города.

Помимо искаженного названия Брянска в индигирских записях обнаруживается немало и других деталей повествования, требующих внимательного рассмотрения. Возможно, это удастся осуществить в близком будущем.

В каждом месте воспевали своих героев. До времени собирания уцелели некоторые имена этих эпических героев. В Великом Новгороде пели про Садка и Василия Буслаева. В Ростове Великом на передний план выдвигали Алешу Поповича. В Муроме создавали первоначальный образ Ильи. Рязанцы попытались привязать к своему городу Добрыню. Как видим, брянцы и их потомки также создавали своих эпических героев.

Литература

Былины Севера 1938 — Былины Севера. Т. 1. Мезень и Печора / записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. М.: Л. 1938.

Ончуков 1904 — Печорские былины. Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.

Рогожский летописец 2000 — Рогожский летописец. Тверская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000.

РЭПС 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / изд. подготовили Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Под ред. Б. Н. Путилова. Новосибирск, 1991.

Смирнов 2010 — Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М. 2010.

Худяков 1890 — Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском окр. И. А. Худяковым // Записки Восточно-Сибирского отделения РГО по этнографии. Т. 1. Вып. 3. Иркутск, 1890.

Архивные источники

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1485. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 9.

Summary. The author investigates the versions of the bylinas about Dmitry Bryansky as a part of the plot about an abduction (of a woman, a sister or a mother). He has revealed the connection of the analyzing texts with the region history and the modification of the plot when it's spatial and temporal spreading outside the supposed locality of the beginnings.

Key words: epic tradition, bylina's plot, form.